

кой-то заразной болезнью; испанцы осаждали его с моря, а провансальцы с суши, дабы воспрепятствовать распространению болезни. Они столь тесно обложили город, перекрыв все пути сообщения, что вынудили последнего оставшегося в живых горожанина водрузить черный флаг на стене крепости, прежде чем свалил осаду.

Имя и заслуги Малерба стали известны Генриху IV благодаря лестному отзыву о поэте кардинала дю Перрона: однажды на вопрос Короля, не перестал ли он писать стихи, Кардинал ответил, что с того времени, как Король оказал ему честь, призвав к участию в делах государства, он совсем прекратил занятия поэзией, да и нет более смысла его заниматься с тех пор, как появился некий нормандский дворянин, ныне живущий в Провансе, по имени Малерб.

Поэту было тридцать лет, когда он написал стихотворение, обращенное к дю Перье и начинающееся словами: ⁴

Ужели, дю Перье, вовек ты безутешен?*

Первые стихи его были беспомощны; некоторые из них я видел, в том числе элегия, начало коей звучит так:

Свой лик явила смерть, и Жюневьёны нет.
Могильным своим объят ее весны расцвет.

Он был не так уж талантлив; поэтом сделали его склонность к размышлению и понимание искусства. На окончательную отделку стихов ему требовалось время. Рассказывают, будто он три года работал над одой для первого председателя суда в Бердене по случаю кончины его жены и будто Председатель успел уже жениться вторично, прежде чем Малерб вручил ему эти стихи.

В одном из своих писем Бальзак ⁵ приводит слова Малерба, что, написав сто строк стихов или два листа прозы, сочинитель должен десять лет отдыхать. Бальзак рассказывает также, что, исправляя одну только строфу, Малерб извел полстопы бумаги. Речь идет об одной из строф оды к г-ну де Бельгарду; начинается она так:

Так человек срывает розы,
А жизнь вся близится к концу.

Король припомнил, что говорил ему в свое время кардинал дю Перрон; последний часто поминал Малерба г-ну дез Ивето, бывшему в ту пору наставником г-на де Вандома. Г-н дез Ивето не раз предлагал Ко-

* Однажды Великий приор, который имел честь писать драмные стихи, обратился к дю Перье: «Вот сонет; если я сознаюсь Малербу, что его написал я, он скажет, что стихи никуда не годятся; скажите, что это вы их сочинили». Дю Перье показывает этот сонет Малербу в присутствии Великого приора. «Этот сонет, — говорит Малерб, — выглядит так, как если бы его написал Великий приор».